

НАЧАЛО	1.htm	<i>элла курсунская</i>
“Я” В СООБЩЕСТВЕ С “ДРУГИМИ”	2.htm	<i>евгения шехтер</i>
КОГДА ДЕТИ ВПЕРВЫЕ ВЛЮБЛЯЮТСЯ...	3.htm	<i>даниил дондурей</i>
ПСИХОЛОГИЯ ТОЛПЫ	4.htm	<i>акон назаретян</i>
КОГДА ДЕТИ ВПЕРВЫЕ ВЛЮБЛЯЮТСЯ...	5.htm	<i>ирина петровская</i>
ДЕТСТВО – ЭТО КОШМАР	6.htm	<i>екатерина бакшутова</i>
КОШМАР ДЕМОЗА	7.htm	<i>маргарита жамкочьян</i>
УВЕРЕННОСТЬ БЕЗ АГРЕССИИ	8.htm	<i>светлана кривцова</i>
ВОЗМОЖНОСТИ ЗАЕЗЖЕННОЙ ПЛАСТИНКИ	9.htm	<i>светлана кривцова</i>
ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ В ТЕБЕ	10.htm	<i>марина аромишам</i>
ПЕДАГОГИКА ПЕРЕЖИВАНИЯ	11.htm	<i>федор василюк</i>
ВРЕМЯ БРАТЬ ВРЕМЯ В СВОИ РУКИ	12.htm	<i>филип зимбардо</i>
ЗНАКОМЬТЕСЬ: ГРАФФИТИ	13.htm	<i>михаил лурье</i>
РОЛЬ АННЫ П. В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ	14.htm	<i>vladimir петрушов</i>
ДЕТИ УЧАТСЯ ЖИТЬ	15.htm	<i>хейм джинотт</i>
РОЛИ, КОТОРЫЕ ВЫБИРАЮТ НАШИХ ДЕТЕЙ	16.htm	<i>маргарита жамкочьян</i>
МИСТЕР “ПЕЧАЛЬНЫЙ МЕШОК”	17.htm	<i>элен мазлиш, адель фабер</i>
МНОГОУВАЖАЕМЫЙ КНИЖНЫЙ ШКАФ	18.htm	<i>анатолий берштейн</i>
КОГДА ДЕТИ ВПЕРВЫЕ ВЛЮБЛЯЮТСЯ...	19.htm	<i>анатолий гребнев</i>
КНИГИ	20.htm	<i>бойд / зверев / капоте / миллер</i>
МАЛЕНЬКИЕ МОСКОВСКИЕ СКАЗКИ	21.htm	<i>пит рушо</i>

НАЧАЛО

*Элла Корсунская
– член Союза кинематографистов России.
в трудовой книжке Эллы Корсунской две записи, два
места работы, две должности. Учительница в школе
заполярного города Новый и редактор Третьего
творческого объединения “Товарищ” киностудии
“Мосфильм”, руководили которым Михаил Ромм и Юлий
Райзман.*

Я часто вижу себя со стороны, как я иду, среди всех, мимо всех, терпеливая, упорная, целеустремленная, как муравей. Я иду по улице, летом, зимой, осенью. Разная погода, дождь, снег, солнце; меняется одежда на людях; деревья цветут, зеленеют, потом листва опадает. А я все иду – метро, автобус, троллейбус, снова метро. Каждый день дела, и никто не сделает их за меня. Москва большая, и дела в разных концах Москвы, и раньше мне иногда казалось, что домой я не доберусь от усталости. Но это было давно, когда я была молодая и здоровая. А сейчас я полюбила эти хождения, эти поездки, пересадки, ожидания загулявших автобусов. Я сижу на остановках терпеливо, спокойно, это дается мне без труда. Я не раздражаюсь и не сержусь. Потому что теперь я знаю, что любое ожидание кончается. И будет вечер, и я вернусь домой – к собаке, которая всегда меня ждет, к книгам, которые меня ждут, к маме, с которой мы жили здесь. И здесь она умерла.

Раньше я любила разговориться с кем-нибудь в дороге, пошутить, поспорить, пофилософствовать, есть такая транспортная философия... Сейчас – нет. Мне не хочется встречать в разговор. Я всегда отвечаю, если ко мне обращаются, но как можно короче, чтобы не дать завязаться разговору. Иногда я задумываюсь, что же это такое, что произошло – я как будто с трудом отрываюсь от себя. Но недавно я поняла – я не хочу отвлекаться от счастья. С той минуты, как утром я открываю глаза, и до ночи, когда их закрываю, я чувствую счастье. Да, с той минуты, когда я утром открываю глаза и вижу низкое, серое, словно переполненное водой, небо и плоские, как будто отдельные от домов крыши (я живу высоко, и домов не видно), вот с этой минуты я чувствую счастье. Потому что я так часто думала об этом, грезила, боялась закрыть глаза, ведь их придется открыть и увидеть совсем другое – солнце, пальмы, большие, вислые, растрепанные листья бананов, яркие, пестрые, словно наперекор палящему солнцу, цветы.

Или вот старость. Так много сказано о ней, написано. Хорошо это или плохо – старость... Кому – как. О юности тоже написано много, но там нет вопросов – трудная или легкая, бедная или богатая, – юность всегда прекрасна. Юность и старость, а что же такое между ними, что за время такое – у него нет названия. Я думаю, думаю и предполагаю, что так случилось оттого, юность и старость даются человеку при рождении, потому у них есть имя, название, А это что-то рукотворное, что человек создает сам, старается, добывает. Учится, работает, строит карьеру, любит, женится, рождает детей, растит их, волнуется за них, за их будущее, за их здоровье, за их несчастья, гордится их успехами. Это существование, которое он сделал, создал, отказывая себе не в лишнем, но в необходимом, но когда он его уже создал, и вот оно у него в руках, – какое он хотел, о каком мечтал, – оказалось, что он ему не хозяин. Оно может сделать с ним, что захочет, и вообще обойтись без него. И все, что он так старательно строил, не досыпал ночей, не разгибал спины, во что вложил мечты, планы, надежды, – ему не принадлежит. Что хозяйка всему этому – жизнь, и она может все отнять, пустить по ветру, обмануть, бросить, насмеяться. Он ее уговаривает, умасливает, чтобы она добрее была к нему, помогла, приласкала.

Вдруг незаметно, исподволь, словно соринка попала в глаз, сейчас вытряхну ее, сотру, и вот уже ничего не мешает, живу, как прежде. А потом опять. Сначала чуть-чуть, а потом все явственнее, явственнее. И вот – она приходит, наступает. Старость пришла. И теперь от нее все зависит. Пока она есть, это единственное, что дает тебе возможность видеть землю, небо, снег, деревья, зеленые или в желтых листьях, или совсем без листьев, голые, звенящие от холода ветки... Сидеть на скамейке в каком-нибудь случайном сквере, подставив лицо неяркому солнцу, не волноваться ни о чем, не думать, просто вот я сижу на скамейке, подставив лицо солнцу. Старость, когда что-то болит, но на это не обращаешь внимания, потому что не хочешь смириться, дать себя одолеть и еще потому, что немножко страшно.

Меньше звонков, волнений, меньше планов или они очень короткие – на день-два. Позади успехи и поражения. Сослуживец, которому много лет не подавал руки, сейчас кажется совсем неплохим человеком, и ты не можешь вспомнить, в чем причина раздора. Да и была ли причина? Да и причина ли это? Вот женщина (или мужчина – все равно, зависит от того, кто вспоминает), она столько лет владела твоей жизнью, была ее безраздельной хозяйкой, могла сказать – умри! И ты бы умер. И что же? В памяти остались имя, жест, когда она поднимала руку ладонью вверх и прижимала ее ко лбу, прогулка какая-то в лесу – была весна, в низинах еще лежал снег, и они промочили ноги. Вот что такое старость. Это последняя часть твоего пребывания на земле, и хочешь ты того или нет – ты у нее в гостях.

Или вот – собака. Ну что такое, безмолвное, молчаливое существо. Я ее кормлю, гуляю три раза по десять минут, иногда подлечиваю. Что же это такое? Чем дана ей такая власть надо мною? Маленькая, подкинутая мне обманом двенадцать лет назад, нежеланная, нелюбимая – она владеет моею жизнью, мыслями, покоем. Как это случилось? Когда? Ведь за эти двенадцать лет она не произнесла ни слова. Она трусишка и, случись что, бросит меня и убежит, спасаясь. Я это знаю. В ней есть коварство – она подманивает больших породистых собак, крутится перед ними, маленькая, легкая, увертливая. А когда они, простодушные, приближаются к ней, отвечая на заигрывания, она скалит зубы и рычит. Это плохо, непорядочно. Я это знаю. Я все знаю, и все это не имеет никакого значения. Я люблю ее так сильно, что иногда вдруг, вспомнив о ней, останавливаюсь, чтобы унять сердцебиение. Что это? Как это получается? У всех готов ответ: потому что она не сделает подлости, не предаст, не обманет. Но разве за это можно любить? Я не могу любить за то, что кто-то не сделает подлости. Говорят: она беспомощная, она в вашей власти, верит вам, любит вас. Ну, наверное. Но я не могу любить за беспомощность и тем более за то, что меня любят. Есть третий вариант: нельзя любить за что-то. Так говорят и, наверное, так думают. Но на самом деле, если поразмыслить, задуматься, раскрутиться, человек найдет причину, ну пусть не причину, а объяснение, почему любит. Почему именно ту, а не эту. Почему же я так люблю эту маленькую собаку, что свет меркнет у меня в глазах, когда мне кажется, что с нею что-то неладно. Почему я думаю: “Если суждено, пусть она умрет раньше, чтобы я до конца могла помогать ей, быть ей нужной, чтобы она до конца была спокойна”. И пусть я останусь одна. В темноте.

Еще есть книги. Ну о книгах написано много, и мне нечего добавить. Книги наша вторая жизнь, и, читая, мы ее проживаем. Так что книги продлевают наши годы. Книги разные, и все читают их по-разному и любят разное. Чаще всего настоящие читатели погружаются в мир, о котором рассказывает книга. Они видят себя героями событий – возлюбленными, влюбленными, обманутыми или все победившими. И эти прожитые жизни выделяют человека среди других, делают его непохожим, особенным, владеющим каким-то тайным знанием. Раньше я тоже так читала, и сколько слез было пролито, сколько горя и радости довелось испытать, листая страницы книг. Но так было раньше. Давно. Сейчас сердце мое закалилось, наверное, огрубело. Иногда я закрываю глаза, и передо мною проходят мои друзья, которые научили меня мужеству, гордости, верности. Но сейчас я читаю по-другому, и другое доставляет мне радость и счастье, и по-другому я гляжу на книгу, которая у меня в руках. Я знаю, что она не имеет ко мне отношения, что она существует помимо меня, вне меня, как небо или времена года. Но как при виде синего, ясного неба с тихо плывущими маленькими белыми облаками или при ровных, сильных звуках дождя я испытываю неизъяснимую радость и наслаждение, так замираю я над словом или фразой на книжной странице и чувствую словно толчок в самое сердце. И нет для меня заботы, это сказано о добром герое или злодее, к добру или худу повернет эта фраза ход книги. Сейчас книги перестали быть для меня “источником знания”, учителями, наставниками. Сейчас они источник наслаждения, открытия подлинных, истинных радостей и ценности жизни.

Мама. “Разлук, разлучений, – отсутствий вообще не существует, – я убедилась в этом недавно и имела случай еще проверить эту истину на днях”. Анна Ахматова. |

КОГДА ДЕТИ ВПЕРВЫЕ ВЛЮБЛЯЮТСЯ...

даниил дондурей

*Д*ва чувства управляют нами, когда ребенок готовится к собственному плаванию: психологическая неподготовленность к его взрослости и подсознательное желание от него наконец “отделаться”. И наша нервность по поводу первых чувственных опытов детей связана с этой двойственностью наших родительских ощущений. Возможно даже, мы часто противимся выбору наших крошек, нам не нравятся их избранники, потому что мы неосознанно испытываем чувство вины за глубоко упрямое желание своей новой свободы.

Мы с женой никак не дождемся этой самой, первой. Девушке, мне подведомственной, уже двадцать, а того самого, главного, в ее жизни и судьбе еще не произошло. Очень мы, родители, нервничаем на этот счет, в отличие от нашей девочки, которая совершенно спокойна. Думаю, что вообще момент первой, большой и настоящей любви (тут имеется в виду и первый плотский контакт) – момент более ответственный и тревожный для родителей, чем для непосредственных участников-дебютантов. Но вот что интересно: хотя мы, казалось бы, знаем, что ничего страшного во всем этом нет, что все не так опасно, как об этом пишут в великой художественной литературе, но переживаем больше, чем человек, который еще не знает, что ничего страшного в этом нет... Отсюда резюме: мы, родители, менее защищены психологически от первой любви детей, чем дети. И чтобы продвигать сексуальную подготовленность нашей нации, нужно работать с родителями. А не с подростками, с которыми пытаются работать ныне.

Я глубоко убежден, что родители, хоть и боятся этого момента, но одновременно и сладострастно его ждут. Ждут новой жизни, которая наступит с первым поцелуем их ребенка. Ждут и потому, что родители при всех их страхах за ребеночка подсознательно мечтают о моменте, когда с них свалится груз родительской ответственности. А свалится он не раньше, чем ребенок утвердит право на свою жизнь. Единственный способ сделать это – первый сексуальный контакт, и нечего юлить. Хуже горькой редьки родителям годам к 18-19 их детей надоедает решение этих детских вопросов о длине носа, форме носков ботинок, длине юбки и ног и преданности подружек-дружков! Подсознательно, не отдавая себе в этом отчета, опять же из страха признаться себе в жажде свободы, мы подгоняем своих детей: да становись ты в конце концов взрослым, отстань от меня со своим детством, живи своей жизнью!

А это тяжелое время нужно пережить, просто пережить. Тем более что впереди, за первой любовью дочек и сыновей, нас ждет время столь замечательное, столь сладкий миг лет на 5-7: когда дети уже станут взрослыми, но еще не начнут рожать детей и подкидывать нам внуков! Терпение, главное – терпение. И сладкий миг свободы наступит!

**КОГДА ДЕТИ ВПЕРВЫЕ
ВЛЮБЛЯЮТСЯ ...** | *Ирина Петровская*

Главное, что испытываем мы в этот момент – это ревность, сильнейшая, удушающая. И кажется даже, что вполне праведная. Ведь первая влюбленность твоего ребенка означает, что он, этот твой ребеночек, который был абсолютно твоим, стал дрейфовать в другую сторону, от тебя удаляется и скоро уж окончательно станет чьим-то. Так что первая любовь – это сигнал перехода в новое качество – и детей, и родителей.

Я убедилась, что как-то регулировать, запрещать не только бесполезно, но и вредно. Ребенок может уйти насовсем – я имею в виду эмоционально, что, по мне, так куда хуже остального. Когда моя дочь, а сейчас ей шестнадцать, первой влюбленностью подала сигналы о своем эмоциональном взрослении, я вспомнила себя в ее возрасте и решила строить отношения с ней с учетом новых реалий на собственном опыте.

Словом, я старалась как бы просто проговорить ожидающие дочь опасности – от чисто физиологических до сугубо эмоциональных. И хотя тинэйджер, уж такой он человек, вроде бы и не думает к нам прислушиваться, он тем не менее слушает. С одной стороны, он считает себя взрослым, опытным и искушенным, а с другой – вполне отдает себе отчет, что как раз в этой сфере – сфере отношений полов, причем главным образом психологических отношений, – у него нет никакой системы координат, никаких ориентиров. Он нуждается в нас. И, знаете, может быть, теперь даже больше, чем в младенчестве. Потому что теперь он осознает, что нуждается. И потому я глубоко убеждена, что первая любовь наших детей – не опасность для нас, не неприятность, не новая проблема, а уникальный шанс. У нас есть шанс наладить новые отношения с ребенком, и в тот самый момент, когда прежние вступили в полосу отчуждения просто потому, что ребенок взрослеет.

Так к этому разумнее всего, мне кажется, и относиться. Тем более что это неизбежность. Примерно такая же, как первые попытки наших чад самим формировать свой внешний вид. Тут важно высказываться без взрослого снобизма и взрослого хамства. Даже если штаны-трубы и влюбленности, проходящие и возникающие, как сезонные простуды, кажутся нам смешными. А искушение иронизировать у родителей есть.

В тинэйджерской среде, кажется, это модно – обрести “партнера” и тем самым показать, что ты не один, что за тобой ухаживают. Если этого нет, то ребенок начинает испытывать дискомфорт. Особенно мальчики. И еще более драматично все это переживают их родители... Но это так, отступление. Так вот, если с ребенком не разрушен психологический контакт, вы поймете, когда закончатся “сезонные простуды” и начнется реальное “повышение температуры”. Когда случится то, что я в разговорах с дочерью иронически называла большим и светлым чувством. Да, мы обсуждали ее возлюбленных, и я говорила, что она сама поймет, когда придет большое и светлое чувство. И вот мы поехали отдыхать, и там дочка познакомилась с мальчиком. Когда отпуск кончился, им, естественно, пришлось расстаться. А через два месяца она сказала, что вот, дескать, мама, только о нем все это время и думаю, не это ли большое и светлое чувство? Я предположила, что да, наверное, если уж два месяца... но уж если оно еще недели две продержится, то уж точно – оно. Две недели не продержалось... Но я-то все равно считаю, что это было чувство большое и светлое. Но не всеохватное. Это я уже добавляю как человек взрослый. |

КОШМАР ДЕМОЗА | маргарита жамкочьян

Если какой-нибудь психоисторик через двести лет захочет посмотреть на то, как обращались с детьми в XX веке, ему придется столкнуться с ужасными историями о сексуальном и о физическом насилии над нашими детьми со стороны родителей, о детской порнографии, педофилии и использовании детских тел для получения органов, необходимых для продления жизни взрослым людям. И если все остальное уже было в истории, то использование детей в качестве строительного материала в массовом масштабе может навести будущего психоисторика на мысль об новом периоде в отношении к детству или, наоборот, о шаге назад. Все зависит от того, как и на что смотреть.

Если читать сегодняшнюю прессу, то спорной оказывается центральная мысль Ллойда Демоза о том, что цивилизация развивается от ужасающе жестокого отношения к детям до помогающего и эмпатического в настоящее время. Конечно, верить в это хочется, потому что то, что мы видим и проживаем как часть собственной истории, и то, что чувствуем и переживаем по поводу загадок истории (своей и нашей предыстории), психологически различается очень сильно. Творец “психогенной” теории детства Ллойд Демоз решил эти переживания не различать. И получилось очень эффектно: как он сам говорит, его теорию легко понять, хотя в нее трудно поверить. Об это неразличение так или иначе спотыкаются его оппоненты – психологи, историки: “Невозможно понять, то ли работа Демоза – откровение смелого, провидческого гения, то ли это взбудораженная фантазия умалишенного”, “не знаю, как решить проблему отношения к такой смелой, к такой дерзкой, к такой догматичной, к такой воодушевляющей, к такой извращенной и со всем тем так обстоятельно документированной модели”.

Конечно, взгляд через себя, через свое восприятие – опасная задача, и тот, кто пытается применить ее в психоистории, рискует быть обвиненным в том, что сам является единственным источником фантазий, которые исследует. Но дело не только в том, чтобы различать фантазии об эволюции и их источники, это можно обсуждать, а в том, чтобы различить фантазии настоящего и фантазии прошлого. А иначе есть опасность впасть в соблазн – переживать настоящее всегда как что-то прогрессивное, и наоборот, видеть в прошлом регресс. “У нас-то понимающий стиль отношения к детям, а у них – давно или недавно – жестокий, ненавистный... в общем, плохой”. А как на это может взглянуть последователь Демоза, скажем, лет через двести, мы уже писали.

Прямой оппонент Демоза, с точки зрения эволюции детства, другой знаменитый французский историк детства Филипп Арьес. Мастер исторической психологии, он утверждает, что в прежние времена ребенок был счастлив, потому что имел свободу смешиваться с другими возрастными группами. А детство, как особое состояние, было “изобретено” в начале нового времени, породив тираническое представление о семье, разрушившее дружбу и общительность, лишившее детей свободы и бросившее их под розги и в карцеры. Арьес доказывает с помощью искусства, что понятие детства вообще не было известно Раннему Средневековью. “Средневековое искусство почти до двенадцатого века не знало детства или не пыталось изображать его, потому что художник не был способен рисовать ребенка иначе, как уменьшенным взрослым”.

Арьес пишет о том, что, исследуя историю детства, не следует путать восприятие детства с любовью к детям. Первое соответствует осознанию особенностей этого периода жизни, того что отличает детей от взрослых, пусть даже и молодых. Подобного осознания не существовало столетиями. Как только ребенок выходил из-под постоянной опеки матери или няни, он оказывался в обществе взрослых, и к нему относились столь же серьезно. Слово “ребенок” не имело строго языкового значения, в разных языках его употребляли в значении – “парень”. И эта возрастная неопределенность распространялась на все виды общественной деятельности: игры, ремесла, военные искусства.

Слишком маленький ребенок не в счет. Он может умереть. У Мольера в “Мнимом больном” у Аргана две дочери, одна – на выданье, другая едва начинает говорить. Он грозит отдать старшую в монастырь, если та не откажется от своей любовной привязанности. Брат Аргана ему говорит так: “Объясните мне, братец, как это вы, при вашем богатстве, имея только одну дочь – потому что маленькую Луизон я не считаю – как это вы дошли до мысли такой, чтобы отдать ее в монастырь”. Монтень признается: “Я потерял двух или трех детей, когда они были в грудном возрасте. Мне было жаль их, но я не сильно роптал”. Но как только ребенок выходил из возрастного периода высокой смертности, он сразу смешивался со взрослыми.

Слова Монтеня и Мольера свидетельствуют о живучести архаического отношения к детству. Но начиная с XIV века искусство стремится выразить личность, которую уже признают в ребенке, особенности детского возраста преобретают поэтический и повседневный смысл. Появляется детский костюм. Эта специализация костюма, а внешние формы одежды имели очень большое значение в обществе, свидетельствует о переменах в отношении к детям. Детством начинают наслаждаться. Благодаря своей наивности, забавности, ребенок становится источником радости для взрослого – его ласкают с ним “сюсюкают”. (О том, как менялся образ ребенка в изобразительном искусстве на протяжении десяти веков, мы расскажем в следующих номерах журнала).

Это время Арьес называет первым восприятием детства в кругу семьи.

Второе исходило из внешнего источника – от церковных деятелей, от многочисленных уже в XVII веке моралистов, озабоченных цивилизованными нравами. Моралисты тоже с чувством относятся к прежде малозначительному явлению – детям, они против отношения к ребенку как милой игрушке, так как видят в нем хрупкое творение Бога, которое необходимо воспитывать и оберегать. И этот подход постепенно становится доминирующим в семьях.

Но не так уж сильно отличается история Арьеса от истории Демоза. Арьес, например, тоже отмечает, что в английских семьях XV века было принято детей пяти-семи-девяти лет отдавать на тяжелую службу в другие дома, где они обязаны были провести семь-девять лет в качестве подмастерьев, что кажется бессердечным и делает вывод о бессердечии англичан вообще (тоже психоистория). Но англичане объясняют этот обычай так: “Это делалось для воспитания у детей хороших манер”. Но там, где Арьес видит традицию или обычай, Демоз усматривает патологию. (Хотя нередко, там, где были ласка и “облизывание” ребенка, там оставалось недалеко и до сексуальных извращений. Там, где внедряются морализаторство и закаливание, недалеко и до изуверства и истязаний.)

Арьес придает решающее значение истории взаимоотношений в семье. В отличие от Демоза, он, традиционный историк, прослеживает историю через документы, свидетельства, и что особенно интересно, через иконографию, изображение семей и детей – он старается быть предельно объективным. Может быть, поэтому его работы стали достоверным источником сведений о семейном и школьном укладе для всех специалистов по семье и детству.

Демоз взрывает этот упорядоченный и поступательный эволюционный порядок. Он объясняет и оправдывает становление детства традициями и обычаями, рассматривает его через понятия “норма” и “патология”. Демоз отваживается на патологию культурных сообществ, и история для него – цепь кошмаров, но с движением к психическому здоровью. Основная идея его в том, что психологическая зрелость является историческим достижением, как в общей, так и в личной истории. Он смотрел на те же документы, что и Арьес, но увидел в них то, что увидел.

Можно ужасаться, можно не соглашаться и не верить, но нельзя не признать бесстрашные попытки психоисторика заглянуть в прошлое человечества, населенное чудовищами, как в собственную историю, и посмотреть им в глаза. А можно заняться и другим делом, психоанализом личности самого Демоза и задуматься о том, не проецирует ли психоисторик на детство истории человечества страхи своего собственного детства... |

В 2000 году в первом номере нашего журнала мы напечатали большой фрагмент из работы Филиппа Арьеса “Ребенок и семейная жизнь при старом порядке” | www.genesis.ru/pedologia/1/conten.pdf |

ВОЗМОЖНОСТИ ЗАЕЗЖЕННОЙ ПЛАСТИНКИ

светлана кривцова

Самая несложная и поэтому подходящая для неуверенных людей техника – техника “заезженной пластинки”. Помните, как на одном и том же месте заедает старая пластинка? Так же и в ассертивном, настойчивом поведении, иногда нужно упереться и повторять: “Нет, нет, нет, все равно нет”.

В обыденной жизни эту технику всегда можно отработать на многочисленных коммивояжерах – симпатичных молодых людях, которые предлагают вам купить у них что-нибудь. Кстати, эта невежливая на первый взгляд манера на самом деле демонстрирует уважительное отношение к некоторой ригидности, негибкости вашего партнера по общению, который не заинтересован в том, чтобы расслышать ваше НЕТ. Поэтому мы должны предоставить ему некоторое время, чтобы он мог свыкнуться с нежелательным для него ответом. Так что своими повторениями вы помогаете ему расслышать правду. Удивительный феномен: через четыре-пять повторений вы ловите на себе серьезный и уважительный взгляд собеседника...

Многие люди не могут чувствовать себя уверенно, пока не разозлятся. Между агрессивным и уверенным поведением действительно есть опасное сходство. Энергетика, прямота и напор разозленного человека производят впечатление силы и правоты.

Я знаю учительницу, которая специально “накручивает” себя перед уроком в трудном классе, чтобы эту самую уверенность приобрести. Ее ритуальные угрозы в учительской перед встречей с ненавистным 8-м “А” никого в школе не вводят в заблуждение, они, как танцы индейских воинов, настраивающих себя на боевой лад. Так же ведут себя многие неуверенные люди. Часто так ведут себя и люди уверенные, оказавшись в неординарных, неожиданных ситуациях.

Техника “заезженной пластинки” – отличный прием, позволяющий человеку в таких случаях повысить вероятность того, что он будет услышан. Эту технику просто необходимо применять в самых важных обстоятельствах, когда то, что вы хотите сказать, действительно важно. Однако прежде чем участвовать в общении, важно поработать с собственным раздражением, гневом, возмущением. Когда мы работаем с подростками, мы предлагаем им сделать несколько шагов.

---

1 шаг. Проверь, действительно ли ты разозлен. По телесным признакам – своему дыханию, напряжению, покраснению кожи определи, гнев ли это. Гнев можно перепутать с возбуждением перед стартом, со страхом, с напряжением, азартом...

---

2 шаг. Оцени интенсивность своего агрессивного чувства. Насколько ты полон гневом: наполовину, через край, почти до краев или на треть.

---

3 шаг. Посмотри вовне. Что именно тебе угрожает? Старайся отделить факты от фантазий. Одно из распространенных предположений, субъективно увеличивающих размеры угрозы и усиливающих твой гнев: “Это сделано нарочно, чтобы мне навредить”. Или: “Это несправедливо. Они (он, она) не должны этого делать”. Вспомни, что реальность редко соответствует этим предубеждениям.

---

4 шаг. Посмотри вовнутрь. Чему в тебе это угрожает? Авторитету, жизни, самооценке?

---

5 шаг. Отстранись от ситуации, спроси себя: какую ценность я сейчас отстаиваю с помощью агрессивных чувств?

---

6 шаг. Подумай, что можно было бы сделать в защиту этой ценности, не опускаясь до агрессивного поведения?

Предположим во имя того, что важно и дорого, вы решили остановиться на спокойном, но уверенном сообщении. Тогда техника “заезженной пластинки” подойдет идеально. Попробуйте:

---

1 шаг. Введите собеседника в контекст твоей проблемы, но сделайте это коротко. Например: “Вчера я очень волновалась, когда ты не вернулся домой вовремя, я злилась на тебя и пила валокордин”.

---

2 шаг. Скажите главное позитивно и коротко. (Правильно сказать, например, так: “Пожалуйста, в следующий раз звони мне, когда задерживаешься”. Неправильно: “Никогда так больше не делай”).

---

3 шаг. Выслушайте объяснения и оправдания, соглашаясь с каждым из них в отдельности, но добавляйте, повторяя наподобие заезженной пластинки, к каждому из них текст своего послания. Например: “Ты совершенно прав. Да, я поняла, что ты был с Таней, и это мне нравится, но, пожалуйста, звони, если ты решил задержаться. Да-да-да, я знаю, что ты сильный и осторожный, но, пожалуйста, в следующий раз позвони мне и скажи, что ты жив”.

Первый и второй шаги самые важные. Лучшие варианты рождаются не экспромтом, а после размышлений в одиночестве. Дело в том, что, волнуясь, злясь, терзаясь собственной беспомощностью, человек просто не может не запрещать что-то. “Никогда больше так не делай! Немедленно прекрати!” – вот наиболее расхожие наши модели поведения. Сразу скажу, эти слова не сработают, кроме того, дискредитируют саму методику. Модель уверенного поведения предполагает, что использующий “заезженную пластинку” человек ощущает свою реальную возможность влиять на поведение другого, знает о своей силе. Поэтому он доброжелателен и реалистичен. Он точно знает, какое именно поведение ему хотелось бы получить, и как человек спокойный и уверенный понимает, что всего сразу не получишь. Он выбирает конкретный, посильный и позитивный фрагмент ответственного поведения и все силы прикладывает для работы именно над ним. Для начала.

Основное послание формулируется без частицы НЕ и требует чего-то, что нужно сделать, причем понятно, каким

образом. Это непростое правило. Например: “Оставь нас в покое!” менее убедительно, чем “Поживи некоторое время у бабушки”. Вместо: “Прекрати свое безобразное отношение к Тане” – “Попробуй сначала разобраться в чувствах к Тане без ее участия”.

Рискните, и вы увидите озадаченный серьезный взгляд своего партнера. И вы почувствуете себя видимым! |

ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ В ТЕБЕ

марина аромштам

- 22 года проработала в школе, последние 12 лет – учителем-экспериментатором в “школе Ямбурга” – в центре образования № 109 города Москвы. С 1997 года занимается педагогической журналистикой. Автор книг “Ребенок и взрослый в педагогике переживания”, “Дом, в котором живет малыш”. Главный редактор “Чудесной газеты” и газеты “Дошкольное образование”.

Однажды мне пришлось сочинять предисловие к детской книжке: “Когда я была маленькой, то, как все дети, ходила в школу. Человек должен уметь хорошо читать и писать, объяснили мне взрослые, чтобы узнать о разных людях и событиях и поделиться своими мыслями и чувствами с другими. Еще нужно научиться складывать, вычитать, делить, умножать... Для этого существует школа. Я была послушной девочкой, не хотела расстраивать свою любимую маму и потому говорила, что мне нравится ходить в школу. Но гораздо больше, чем ходить в школу, я любила слушать и сочинять сказки.

Потом я выросла, но в школу ходить продолжала: у меня была такая профессия – учительница. И опять я всем говорила, – что мне это нравится: со стороны так и казалось. Но мне нравилась не школа. Я просто любила рассказывать детям сказки...

Пожалуй, я и сегодня не откажусь от этих слов. Всегда подозревала в лукавстве педагогов, всерьез рассуждающих “о целях и задачах педагогического процесса”, о “системе знаний”, об учительском счастье “открывать новое”. Цели и задачи – это камуфляж для методической проверки, формальное, хотя и обязательное условие существования в школе.

Но твое действительное, подлинное учительское счастье не в высоком проценте пятерок по контрольной, не в “системных знаниях” и не в послушных учениках.

В чем же?

У меня было правило делить с детьми некоторые виды домашних заданий. Если я прошу их придумать продолжение какой-то истории, сочинить сказку, шутку, стишок, то и сама упражняюсь в этом жанре. Однажды я задала написать домашнее сочинение с использованием “осенних слов”. У меня получилась сказка. Неожиданная такая сказка. Про собаку. И вот я гордо несу в школу свое “домашнее” задание. В назначенный час мы усаживаемся на ковре, чтобы поделиться друг с другом содеянным. Моя очередь по традиции последняя. Я с тайной гордостью читаю свой текст. В ответ – тишина. Слишком глубокая, чтобы считаться одобрительной.

– Что? Что-то не так?

– Это неправильная история. Неправильная, очень грустная. Она у Вас... не сказочная какая-то.

– Вы не захотите ее перечитывать?

– Нет.

Серьезный приговор. Он не подлежит обсуждению. Я это чувствую и соглашаюсь: “Значит, надо переписать.” Иду домой и переписываю. А на следующий день получаю признание: “Хорошая сказка”. Согласны с ней работать.

Случилось событие: меня – в виде моего текста – приняли! Так вот зачем я хожу в школу! Вот оно, учительское счастье.

И не только учительское. Родительское. Счастье семейной жизни.

Значимо только то, что мы способны впустить в свое жизненное пространство, то, что нами переживается. Потому-то и обучение похоже на игру “Съедобное – несъедобное”. Количество попаданий не совпадает с количеством бросков: наши дети не считают все педагогические мячи “съедобными”. Потери неизбежны. Но “совершенными делает людей не обучение, а переживание и определенная расположенность души” – эту цитату из Аристотеля мой сын выписал мне в подарок.

Если бы мы стали искать некую единицу, измеряющую общность людей, мы бы, пожалуй, обнаружили, что это переживание. Переживание – случившееся или потенциальное, – именно оно объединяет (и разделяет) нас. На его основе зиждется чувство принадлежности к семье, к народу, к полу, к возрастной группе. Детский утренник важен для малыша в первую очередь тем, что на нем присутствует мама. Она – свидетельница его усилий, его триумфа. А без нее – он не слышит аплодисментов. Подростковое: “Вы меня не понимаете!” переводится как: “Я переживаю это в одиночку, без вас! Вы не разделяете мои переживания!” Лев Выготский так и сказал: переживание – “неразложимая единица для изучения личности и среды”.

Два десятилетия назад психолог **Федор Василюк** совершил революционное открытие, объявив переживание “деятельностью по образованию смыслов”. Так ведь смыслы невозможно навязать извне и в любом количестве. Они глубоко интимны. Зато созвучие смыслов разных людей рождает ощущение праздника. Праздника душевной близости. Праздника, который всегда в тебе. |

Федор Ефимович, вы занимаетесь научными исследованиями в области психологии переживания. Как вы относитесь к педагогике переживания?

На мой, дилетанта, взгляд, это здоровый романтический протест против всякой казенщины в образовании. Воображаю рекламный диспут между молоденькой, ясноокой, в вольной белой блузке сторонницей педагогики переживания и ее оппонентом, лысеющим кандидатом педнаук, в аккуратно застегнутом костюмчике серого цвета.

– Методологическая рефлексия... научный подход... систематическая подготовка... от абстрактного к конкретному... знания, умения, навыки...

– Увлекательно! Радостно! Личность ученика! Личность учителя! Непосредственность! Диалог! Игра! Творчество!

Родители растеряны. Им хочется, чтобы и научно и интересно, и знания и опыт, и навыки и творчество. Но, вспомнив десять лет, отбытых на школьных галерах, решается: педагогика переживания!

Первое сентября, второе, третье, десятое. Новоиспеченный школьник, гордо несущий настоящий ранец, спрашивает по пути домой: “Па! Чего с нами все играют да играют? А когда мы учиться начнем?” Все в этом рассказе выдуманно, кроме последней фразы, ее я подслушал.

Нет, я вовсе не против педагогики переживания. Я мечтаю, чтобы учитель химии, который учит моих и ваших детей, был влюблен в свою химию. Чтобы учитель истории устроил костюмированную игру, и ученик не только узнал бы о политических причинах войны 1812 года, но и изнутри почувствовал бы себя мудрым Кутузовым или смелым гусаром. Если при этом можно научиться еще верховой езде и настоящей мазурке (ведь по случаю освобождения города сегодня в доме губернатора бал), я сам готов пойти на эту войну даже в роли пленного, продрогшего французского солдата, которого за жалобное попрошайничество *cher ami, cher ami* крестьяне прозовут шаромыжником.

Немецкий философ Георг Зиммель заметил, что во всяком переживании есть нечто от приключения. “Приключенческая” педагогика хороша тем, что захватывает всего ученика, вдохновляет его на открытия и поиск, обостряет ум и память, сообразительность и любознательность. Но венец приключения – возвращение домой, обогащение опытом, знанием, зрелостью, мужеством.

И сомнения, которые вызывает у меня педагогика переживания, связаны с опасностью заиграться, не вернуться из приключения. “Па! Когда мы учиться начнем?” – это свидетельство семилетнего человека, что его душа ждет не только игры и развлечения, но и серьезного, таинственно-взрослого – учиться.

Еще одно сомнение. Неписанный закон педагогического романтизма гласит: “Ребенку всегда должно быть интересно. Ответственность за это лежит на учителе”. Обе части этой формулы не кажутся мне абсолютными. Интерес, как рыбка, важно не только накормить ею ребенка, но и научить самому ее ловить. Да и скука – состояние отнюдь не бесплодное. Я лично обязан скуке многими полезными приобретениями. В детском саду во время мучительных “мертвых часов” я выучился под одеялом свистеть – умение, без которого считать себя полноценным мальчишкой, конечно, нельзя.

Наконец, последнее, что меня смущает в педагогике переживания, – это опасность субъективизма, переоценка роли эмоций в жизни и познании. Есть своя поэзия в объективном и абстрактном знании. Ей-богу, чудесно, что $2 \times 2 = 4$ независимо от настроения ученика, учителя и даже директора.

Впрочем, все эти опасности педагогики переживания делают ее еще интереснее для творческого учителя, ибо что за приключение без опасностей.

Вы – декан факультета психологического консультирования и психотерапии Московского городского психолого-педагогического института. В своей педагогической деятельности вы придерживаетесь каких-то принципов педагогики переживания?

Психотерапия – такое ремесло, которое без переживания и сопереживания просто немислимо. И обучение психотерапии тоже. Наши занятия часто напоминают мастерскую театрального вуза. Настоящий психотерапевт должен все применяемое им методы вначале многократно опробовать, прочувствовать их изнутри, причем не только в позиции консультанта, но и в позиции клиента. Но мы стремимся научить наших студентов после погружения в воды психотерапевтических приключений возвращаться на рациональную сушу, трезво осмысливать происходящее.

На лекциях я иногда записываю полушуточную формулу профессионального опыта: $E = kN$, где E – это опыт, N – количество проб и k – коэффициент осмысления.

Если я ни разу не пробовал сам вести психотерапевтический сеанс ($N=0$), мой опыт равен нулю, пусть я даже выучил наизусть десяток специальных руководств. Если я провел тысячу сеансов, но совершенно не осмыслил их ($k=0$), мой опыт тоже ничего не стоит.

Задача нашего обучения двойная – сначала создать полноценное погружение, а потом дать интеллектуальные средства для осмысления пережитого.

Впрочем, тут начинается слишком специальная область. А вы лучше у меня спросите о педагогике переживания в моей психотерапевтической работе.

Спрашиваю.

Отвечаю: я занимаюсь педагогикой наоборот.

Как это?

Чтобы помочь моим пациентам справиться с их невзгодами и проблемами, я иногда превращаю психотерапевтический кабинет в учебный класс, но в этом классе не я их учу уму-разуму, а, наоборот, пациенты учат меня своим симптомам и переживаниям. При этом они обнаруживают недоожинные педагогические дарования. Обучая меня страху высоты, комплексу неполноценности, заиканию или патологической ревности, они начинают лучше осознавать механизмы своих болезненных состояний и постепенно овладевать ими. Я же горжусь тем, что прилично освоил целый ряд курсов.

Например, теорию и практику тревоги за близких. Это довольно просто. Сначала надо выбрать объект тревоги. Для мам и бабушек особенно подходят дети и внуки школьного возраста. Потом нужно как можно более живо вообразить любимое дитя. Вот оно плетется из школы, пуговица оторвана, шнурок развязан, шарф потерян, взгляд рассеян. Перекресток. Подземный переход закрыли на ремонт. Машина! В этот момент нужно попытаться крикнуть “Осторожно!” и рвануться наперерез автомобилю. Но тут-то и обнаружится, что дитя в опасности – там, а вы в бессилии – здесь. Для людей с хорошим воображением это надежный способ вызывать в себе сильное переживание тревоги.

Одна почтенная дама преподавала мне искусство депрессии. Очень простая и изящная техника. Хотите научу?

Нет, нет, спасибо, не нужно.

А зря. Знаете как осенью, когда все кругом подавлены, быть в бодром и веселом расположении духа как-то неуместно. До того как ляжет ослепительный снег, в моде депрессия.

А еще педагогикой наоборот я пользуюсь, чтобы помочь школьникам и их родителям развязать узлы дидактогенных неврозов. Вот один давнишний случай.

Мама ввела в мой кабинет шаркающего понурого сына. Через десять дней была назначена медико-педагогическая комиссия, которая должна была решать вопрос о переводе пятиклассника во вспомогательную школу. Мальчик учился неважно почти по всем предметам, но главное, что переполнило чашу педагогического терпения, была патологическая неспособность выучить русское правописание хотя бы на двойку.

Мне показали тетрадь с диктантами – кровавое месиво исправлений разъяренным учительским пером. “А начинал он учиться неплохо, – вспоминает мама. – Английский у них со второго класса, так он вообще чуть ли не лучше всех был. По арифметике – четверки. Вот только по русскому тройки из-за невнимательности. В прошлом году учительница попросила нас с мужем обратить внимание, позаниматься. Отец сидел, продолжал с ним заниматься. И все как о стенку горох. У него на уме только велосипед и разное зверье – то собаку больную в дом привел, то грача с подбитым крылом притащил. Может, он и вправду у нас умственно отсталый?”

Рассматриваю тетрадь вместе с мальчиком. Я в восхищении:

– Слушай, брат, да ты чемпион мира по ошибкам. Я знал одного человека – он сейчас стал ветеринарным врачом, работает в Московском зоопарке, тигров лечит, представляешь! Так вот, он мог сделать 30 ошибок на одной странице. Я думал – это рекорд. А у тебя, может, даже больше. Ну-ка, давай посчитаем.

Под мои восхищенные междометия досчитал до 57.

– Ты же можешь попасть в Книгу рекордов Гиннеса! А кого записывают в эту книгу, тому дарят новый велосипед. Гоночный. Знаешь, с кривым рулем, пять передач?

– Знаю, – мечтательно вздыхает отрок.

– А можешь ты не 57, а целых 60 ошибок сделать?

– Да я могу и 100.

– Ну-ну-ну, врешь, врешь, врешь, ну уж сиксти, ну уж эйти, ну еще туда-сюда, а уж хандред, целый хандред – это ж просто ерунда.

– На спор?

– На три шелобана. С перебивщика не брать. – Разбиваю я левой наше рукопожатие. – Значит, так, Екатерина Петровна. Вы сегодня, пожалуйста, продикуйте диктант на одну страницу. Посмотрим, сколько ты сможешь сделать ошибок. Только не подсказывать, Екатерина Петровна! Договорились? Завтра посчитаем.

Разумеется, он план перевыполнил. И на следующий день – получил задание делать ошибки только на план пропуск букв, потом на – правдописание гласных. Теперь он входил в кабинет впереди мамы ловкой, чуть подпрыгивающей походкой. Через неделю учительница, не веря себе, собственноручно поставила “четыре” за диктант. Позже я узнал, что на день рождения он получил в подарок новенький велосипед. От Гиннеса, что ли?

Может быть, педагогика переживания в том и состоит, чтобы каждому ученику, учителю и родителю подарить по велосипеду? Тогда они все постепенно добреть и умнеть начнут. |

“Психология горя” – так называлась первая публикация Федора Васильюка в нашем журнале / www.genesis.ru/pedologia/8/2.htm

**ВРЕМЯ БРАТЬ
ВРЕМЯ В СВОИ
РУКИ**

Филип Зимбардо

– профессор психологии Стэнфордского университета, Президент американской психологической ассоциации. Он – автор знаменитого “тюремного эксперимента”, который стал классикой современной социальной психологии и о котором мы рассказывали в седьмом номере журнала. Филип Зимбардо – автор нескольких книг, в России издана одна из самых знаменитых его работ “Психология застенчивости”.

Все больше американцев переживают чувство растущей занятости, ощущают постоянную нехватку времени на элементарно необходимое в своей повседневной жизни. Мы работаем все тяжелее и больше, чем когда-либо, несмотря на сферу обслуживания и совершенную домашнюю технику, сберегающую наше время. Мы злимся из-за необходимости ждать и раздражаемся на тех, кто нас задерживает. Чтобы выполнить все запланированное на день, мы развиваем сверхъестественную активность и все реже приходим в церковь, участвуем в семейных торжествах, встречаемся с друзьями.

Парадоксально, но современные технологии, предназначенные для преодоления этого дисбаланса за счет своей сверхэффективности, которые, как полагалось, позволят человеку, работая дома, восстановить утраченные связи с семьей и друзьями, привели к прямо противоположным результатам. Мы теперь работаем дома, как на работе, мы работаем в машине, в гостях и на отдыхе. Сотовый телефон и ноутбук постоянно при нас. Мы не можем иначе, потому что должны быть эффективны, чтобы достичь своих целей, сделать успешную карьеру и просто сделать все то, что нам необходимо в жизни.

Время – это путь, в который мы укладываем свой жизненный опыт и личную историю. Мы его делим на три зоны: прошлое, настоящее и будущее. В оптимально сбалансированной временной перспективе эти компоненты смешиваются и гибко переходят один в другой в зависимости от требований ситуации, наших потребностей и ценностей. Позитивная ориентация на прошлое связывает нас с нашими корнями, семьей, религией и национальными традициями. Она дает нам ощущение стабильности, чувство собственного “я”, пронесенное сквозь время. Она дает нам позитивную самооценку.

Ориентация на будущее дает нам крылья, чтобы видеть новые цели, искать новые возможности, проигрывая и просматривая самые разные сценарии своего будущего. Она дает нам веру в наше предназначение. Спонтанность, постоянный поиск и открытость всему новому, ощущение своего бытия в каждый данный момент, полнота переживаний и открытость эмоций – все это в нас от ориентации на будущее.

В эру до 11 сентября крайне выраженная ориентация на будущее достигла высшей точки. Она оставляла в нашей душе слишком мало места, чтобы ценить то благо, которое дает прошлое и настоящее. Наше корпоративное мышление имеет отчетливую доминанту в виде временной перспективы, ориентированной на будущее, которой манипулируют абстрактные категории: прибыль – стоимость или планирование вероятностей. Но кажется, что другое, необыкновенное и замечательное, вырастает сегодня из пепла Мирового торгового центра, из страданий и героизма, которому мы все стали свидетелями. Наши приоритеты могут сдвинуться наконец в сторону от национального эгоизма, ведущего к социальной изоляции, от исключительного фокусирования на будущих успехах и делании денег.

Нас выбивает с этого пути способность сопереживать другим людям, а разрушение эгоцентризма дает возможность найти время для своей семьи и друзей. Я надеюсь, что переориентация во времени и перестановка приоритетов не станет чем-то временным и преходящим. Люди, которых выбили из привычной схемы жизни, почувствуют истинную ценность своей семьи, поддержку общества, утешительную силу религии и высшую ценность – жить и наслаждаться моментом.

Развитие и поддержание оптимального баланса времени принципиально важно. Да, нам придется много работать, но с таким же энтузиазмом и отдыхайте, когда работа сделана. Позвольте себе насладиться удовольствием и восстановите свои дружеские связи. И вспомните о том, чем можно гордиться в прошлом: это даст вашей жизни мудрость и стабильность важнейших для вас ценностей. |

Полная версия статьи Филиппа Зимбардо опубликована в апрельском номере американского журнала “Psychology Today”. |

**РОЛЬ АННЫ П.
В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ
ИСКУССТВЕ ЭПОХИ
ПОСТМОДЕРНИЗМА***Владимир Петрушов**– художник, писатель, постоянный автор нашего
журнала*

Недавно мне рассказали о существовании такого психологического теста: нужно вспомнить пять радостных моментов в жизни, связанных с вашим ребенком, а потом вспомнить пять радостных моментов своего собственного детства. В чем смысл этого теста, что он определяет, мне сказать забыли, а расспрашивать было как-то неловко. Пять (на самом деле значительно больше) радостных минут, иногда часов и дней – причиной, поводом и героем которых была моя дочь, я отыскал быстро и легко. А из своего детства удалось с трудом выудить несколько кусочков в лучшем случае умиротворенного счастья, овечьего легкой грустью... Но никак не бурной радости. Вот что странно: теперь мне абсолютно неинтересен вывод, который бы сделали психологи на основании этих моих изысканий. Может быть, у меня было трудное детство или я неправильно отношусь к дочке. Получилось так, что в результате я вбил себе в голову, что дети дают своим родителям значительно больше, чем родители им. Ведь мои, в сущности, очень неплохие мама и папа смогли подарить мне только ощущение тепла и покоя, а настоящей радостью поделилась маленькая Анька.

Занимаясь в юности историей, натолкнулся на чью-то теорию, что время течет не однонаправленно. Может быть, так оно и есть? Мы передаем детям дремучий опыт выживания цивилизации и культуры, а они нам дают возможность погреться в лучах не известного им самим будущего... Но радость радостью, а есть вещи и посерьезнее.

Аньке было года три. Мы ходили весной по берегу канала, дочка собирала камешки и отдавала их мне. Я добросовестно складывал камни в карман черного финского плаща. А в кармане черного финского плаща была небольшая дырка. Ключи в эту дырку провалиться не могли (проваливались, но не до конца), мелких металлических денег, кажется, в то время не было, а может быть, просто, их не было у меня. Так или иначе к дыре я относился философски, мы жили, не мешая друг другу, но камни из коллекции моей дочери иногда падали за шелковую подкладку. Извлечь камни оттуда было практически невозможно. Так и ходил, ощущая их легкие удары ниже коленки.

В то время я был занят рисованием большой картины. Это была яркая, полупримитивистская вещь: ребенок (девочка) сидела на корточках, как в песочнице, в разрушенной старой крепости, и стены не доходили ей до щиколоток. На крепостной башне сидели две толстые парки или мойры и пряли, и ткали из своей пряжи платье этой девочки. Платье начиналось красивой желтой каймой, на которой пещерные силуэты кроманьонцев сменялись бородатыми ассирийцами с копьями и луками, те в свою очередь уступали место грекам и римлянам. На травянистом зеленом подоле рыцари с разноцветными флажками на пиках сражались между собой. По короткому рукаву платья в зеленых волнах плыл парусный испанский корабль с красным якорем, возле мачты кружили белые чайки. А из-под ворота из синего летнего неба падал сбитый четырехмоторный советский ТБ-3, оставляя за собой след черного дыма и алого пламени.

На раскрытой ладони девочки лежал несчастный Димитрий с ножиком в груди, а рядом, растопырив руки в стороны стоял Борис Годунов. Девочка смотрела на Димитрия с печалью и удивлением, а Пушкин, ловко обхватив руками и ногами стебель огромного лотоса, злорадно поглядывал на царя Бориса. Вокруг солнца в правом углу картины в стае ласточек кружил Моцарт в красном камзоле, белом парике и со скрипкой. На голове ребенка среди цветущего луга паслись единорог и медведь с голубем на спине. Картина была еще та.

Нервная усталость давала о себе знать. У меня не получалось ухом главной героини. Пришлось заставить Аньку просидеть несколько минут неподвижно. Я срисовал узор её уха.

Записи тех лет, которые я вел для себя, выглядели почти как “Жизнь господина де Мольера” Булгакова:

“...картина не дорисована, красить ещё недели две. Дня четыре будет сохнуть краска. Осталось пять долларов”. Далее перечисление постоянно меняющихся цен на молоко, хлеб, сыр. “Надо получить талоны на сахар”. “Чтобы сделать зелень темной елки, надо к окиси хрома добавить светлую охру, ультрамарин и немного английской или индийской красной”. “Приезжал брат, привез с дачи мешок картошки”. “Вчера продал “Платье для праздника” за 100\$”.

Торговля картинами происходила рядом с метро “Октябрьская”. Среди уличных художников у меня был друг. Звали его Габриэль. Это был сильно загоревший от постоянного пребывания на свежем воздухе, немного сдвинутый армянский человек лет сорока. Милиция несчетное количество раз пыталась его поймать. Непонятно как, но Габриэлю с его внешностью удавалось от милиции всякий раз удирать. У него не просто не было прописки. У него не было паспорта. Габриэль не унывал, снимал комнату в Лаврушинском переулке практически даром. Изредка курил анашу или “Смерть под парусом”, что еще хуже. Рисовал. Про себя он говорил: “У них – он поднимал указательный палец вверх – я считаюсь Бэлым Всадником”. Белый Всадник не платил квартирным хозяевам, жил в долг, потом его выгоняли. С трудом устраивался на новом месте. Пару раз я привозил ему картошку (которую, как известно, давал мне брат). В его комнате к стене был прибит кусок холста. На холсте изображалась девица в бархатном берете, с плохой грудью и в трусах. Трусы были едва ли не розовые. Девка была дрянная, но за её спиной открывалось такое ночное небо или ковер, понять невозможно... и самое странное, и девица, и небо, и даже эти розовые трусы вместе составляли что-то такое, что совсем нельзя рассказать словами. Это была картина.

Как-то в начале осени я встретил Габриэля на улице. Он был в летней рубашке. Уже начинались холода. “Такую погоду, – говорил он, – сделали богатые, чтобы у них была возможность показать свои пальто и куртки”. Я подарил ему потертый, кое-где чуть-чуть заляпанный масляной краской плащ, с камешками. Он был благодарен, но без излишеств. Говорил, что в каждой капле краски должен содержаться законченный сюжет, показывал картину с ангелом. Каждый мазок на его крыльях содержал в себе или травинку, или зверя, или человечка. Тогда я почувствовал, что Габриэль болен.

Еще через некоторое время он очутился в заброшенном доме в Банном переулке, где жила колония людей, считавших себя художниками. Я приезжал к нему, помогал уладить какой-то ментовский конфликт. Габриэль был нетрезвый и уставший. Говорил, что хорошо бы наконец пришел Ангел, такой большой, что ступни его оказались бы на разных концах Москвы. Он встал бы с мечом в руках и сказал: вот, ты хороший, иди ко мне и будь со мной. А вы – Габриэль делал страшные глаза, – вы были злые, не хочу вас видеть. Армянский акцент придавал его словам внезапный буквальный смысл и красоту.

После этой встречи он исчез... Прошло много лет. Недавно мне сказали, что видели сумасшедшего художника, похожего на Габриэля, в “Детском мире”. Он сидел в закуской и делал вид, что рисует портреты посетителей кетчупом на салфетках.

Не хочу вдаваться в диагностику, но думаю, что в те времена, доведенный до отчаяния постоянным безденежьем, бедами и бесконечным поиском гармонии, я тоже был очень недалек от сумасшествия. Но я знал, что это за камни в плаще, а Габриэль – нет. У меня в картине было Анькино ухо. Я не мог всерьез рассуждать о филоновской эстетике живописи. Я мог рассуждать только об эстетике Анькиного уха. Это меня спасло.

Пришли другие времена. Дочке 15 лет. Она строит вокруг себя оборонительные сооружения. Она отстаивает свою независимость и право на отдельность. Контакт теряется. Чтобы быть услышанным, надо уложиться в три предложения. Если за ужином успеваешь сказать два поясняющих слова к тексту песен Гребенщикова, это уже лекция по культурологии. Если успеваешь обозвать при ребенке неприличным словом какого-нибудь подонка – это урок нравственного воспитания. Мы мало общаемся. И, уж во всяком случае, мы не собираем больше камешки вдвоем. Пришли другие времена, но, как и раньше, важно не сойти с ума. Уже по-другому и от другого. И снова, чтобы не спятить, чтобы помочь себе, я буду стараться не потерять того, что связывает меня с дочерью. Потому что дети дают родителям больше, чем родители им. Надо стараться жить. Белый Всадник Габриэль ошибался: ангел не придет к нам, это мы должны идти к нему. И если постукивание камешков под коленкой не чувствуется, значит, шаг наш замедлился. |

**ДЕТИ УЧАТСЯ
ЖИТЬ**

Хейм Джинотт

дети учатся жить – так детский психолог назвал свою статью в журнале “Дети Флориды”, в которой впервые сформулировал свое кредо гуманистического воспитания в семье

/“Дети Флориды”, март 1959 года

Дети учатся жить

**Если ребенка критикуют,
он учится осуждать.**

**Если ребенок живет
с чувством безопасности,
он учится доверять себе.**

**Если ребенок живет во вражде,
он учится агрессивности.**

**Если ребенка принимают,
он учится любить.**

**Если ребенок живет в страхе,
он становится тревожным.**

**Если ребенка признают,
он учится ставить перед собой цели.**

**Если ребенка жалеют,
он учится жалеть.**

**Если ребенка высмеивают,
он становится замкнутым.**

**Если ребенка одобряют,
он учится любить себя.**

**Если ребенок живет с ревностью,
он учится испытывать вину.**

**Если ребенок живет с дружелюбием,
он учится находить любовь
в этом мире.**

РОЛИ, КОТОРЫЕ ВЫБИРАЮТ НАШИХ ДЕТЕЙ

Маргарита Жамкочьян

*– психотерапевт, переводчик, преподаватель курса
“Психология личности”, научный редактор нашего
журнала.*

Хорошую театральную актрису попросили поучаствовать в семинаре психотерапевтов. Понадобился профессионал, который смог бы представить слушателям разные психологические состояния – уверенности, депрессии, погруженности в себя. Актриса согласилась, но неожиданно уточнила: “А как я узнаю, когда нужно выходить из роли?” Для нее это представляло настоящую трудность. Уйдя глубоко в переживания, она рисковала не вернуться обратно или не вернуться вовремя, ведь в театре роль всегда заканчивается падением занавеса.

В результате семинар был посвящен проблеме входа и выхода из роли. Возник образ “страховочной веревки” или “страховочного конца”, того самого, которым обвязываются альпинисты, поднимаясь в горы. Ведь в жизни не бывает сценариев, в которых прописано, где и как заканчивается твоя роль. Образ маски, которая становится твоим лицом – один из самых кошмарных сюжетов многих сновидений и художественной литературы. Очень важно, чтобы кто-то вовремя потянул за “веревочку”: “Ты – это ты, а это всего лишь твоя роль”. Или опустил занавес.

Плохо различая свои состояния, не отделяя себя от своих ролей, человек не может стать автономным и самодостаточным. Смешивая себя с ролью, которую мы вольно или невольно приняли, мы в результате утрачиваем возможность самовыражения. Чтобы выразить себя, надо как минимум обладать “самостью”. Стать самим собой – это, может быть, самая грандиозная и заманчивая задача нашего времени.

Как ослик Иа-Иа был “привязан” к своему хвостику в сказке о Винни-Пухе, так и мы “привязываемся” к своим ролям. Одни из них мы меняем в ходе личной истории, от других не можем освободиться иногда всю жизнь.

“Ребенок – взрослый – родитель”. Эта цепочка ролей позволяет нам возможность почувствовать естественную их смену, а иногда их несовместимость. Так, покорный сын своих родителей часто играет роль властного отца для своих детей. Но только умение осознать и отделить эти роли друг от друга дает нам шанс от них освободиться. Не переставая их “играть”, получить доступ к своему “Я”. На умении различать эти три роли в себе: роль ребенка, роль взрослого, роль родителя, на умении выходить из них (и входить, конечно, тоже) основана одна из наиболее успешных психотерапий конца XX века – транзактная терапия, разработанная американским психологом Эриком Берном. Транзакция, или взаимодействие между тройственными ролями, позволяет решать множество проблем, особенно сцепленных с семейными отношениями. (Эта тема, безусловно, заслуживает отдельного разговора, но здесь я использую ее лишь как пример обретения свободы от ролей, которые все мы вынуждены играть).

Особенно важна группа ролей, которые не так очевидны, не так формализованы и вообще не очень корректны и тем очень опасны. Их легко “подцепить”, их трудно вычислить и осознать, и от них очень трудно избавиться. Они хорошо знакомы: это роль Неудачника, роль Жертвы, Эгоиста, Нытика, Принца или Принцессы – список можно продолжить до бесконечности. Как ни странно, осознание именно этих ролей приводит, к закреплению их содержания: “Ну, вот, опять у меня ничего не получается. Вечно я что-то порчу”.

Эти роли не предписаны природой, не определяются обществом, как, например, статусные роли – ученик-учитель, подчиненный-начальник или родитель-ребенок, о которых мы уже говорили. Они вырастают из межличностных отношений и поначалу скорее больше напоминают состояния: “Я – робок” (позже “Я – робкий человек”), “Я – несамостоятельный”, “Меня никто не любит”.

Большинство этих ролей тянутся с детства, ведь у ребенка нет ни опыта, ни ресурсов противостоять предложенным отношениям. Другой роли он еще не знает. Но выбор всегда – обоюдный, это выбор – взаимоотношений: тебе предлагается роль, например, жертвы, и ты ее принимаешь! Если с нашей вольной или невольной помощью, ребенок вдруг оказался в ловушке вынужденной роли, и у него нет страховочной веревки в виде других ролей или других отношений, очень важно знать, что конец этой веревки в наших руках, и мы можем помочь ему выбраться.

Как это сделать, как распознать роль, которую играет ребенок, подскажет фрагмент работы доктора психологии **Хейма Джинотта** с обычными мамами и папами, которые хотели научиться языку свободных людей. Мы благодарим Адель Фабер и Элен Мазлиш за предоставленную возможность услышать сквозь годы сохраненный живой голос Мастера. |

[/Продолжение в следующем \(12\) номере за 2002 год.](#)

**КОГДА ДЕТИ
ВПЕРВЫЕ
ВЛЮБЛЯЮТСЯ** | анатолий гребнев

На свете нет ничего прекраснее первой любви. Причем это мое убеждение не претерпевает изменений с годами. Оно было таким, когда я писал сценарии “Дикой собаки Динго” в 62-м, и “Переступи порог” в 70-м, и “Дневника директора школы” в 75-м, и “Дома для богатых” год назад. Ничего не изменилось. Предостерегать бессмысленно хотя бы потому, что это бесполезно. Противодействовать, даже если нам обоснованно не нравится избранник подросткового ребенка вредно, ведь ничего, кроме отчуждения, это в наши отношения привнести не может.

Главное в отношениях близких людей взаимное доверие и дружба. Пытаться воздействовать на тонкий мир первых чувств - подвергать опасности эту дружбу и это доверие. Ничего, кроме взаимного раздражения, а то и вражды, тут не добьешься. В ситуациях с моими сыном и с дочерью (а теперь у меня уже две внучки и внук, а сын и дочь - мои коллеги, драматурги) я всегда был сторонником такого подхода: надо дать событиям развиваться так, как они намерены развиваться. А вообще говоря, вспомните свою юность, и все станет ясно. Если вы в молодости испытали это счастливое чувство, вы пожелаете этого и своим детям, если вы не испытали его, если вам не повезло, вы тем более пожелаете им того, чего сами были лишены. Любовь - это везение. Везет не всем. Так что везение надо ценить.

Как удержаться от желания вмешаться, если уж оно появилось? Просто удержаться, и все. Если считаешь себя культурным человеком, то и ведешь по определению деликатно...

Для меня никогда не было вопросом даже то, нужно ли давать детям в этих случаях советы. Опять же: вспомните себя, и вы получите точный ответ. Те, кто нуждается в советах, обычно не умеют ими воспользоваться, а кто умеет - как правило, не нуждаются в них.

Но для родителей, в которых зреет или уже созрел протест против первых эмоциональных опытов их детей, у меня есть некоторое утешение. Мне кажется, теперешние дети - и в эмоциях тоже - честнее и прямее. На них не давят предрассудки в той степени, в которой они давили, скажем, на мое поколение. Кроме того, сейчас в нашей жизни отсутствует фактор, который влиял на нашу юность, да и зрелость. Для нас было законом: то, что ты слышал дома, нельзя было повторить в школе, это было просто опасно. И это двоюмыслие, не скажу изуродовало, но уродовало нас. Отсутствие двоюмыслия должно самым оздоровляющим образом сказаться на отношениях молодых, юных людей, на наших отношениях с ними. Да, власть денег и все прочее, сопутствующее капиталистическому укладу, - это так, но в любом случае теперь мы играем в честную игру, игру, правила которой едины для всех. И мне кажется, что детей сейчас легче воспитать честными. А это, если не гарантия от эмоциональных опасностей, так хотя бы отсутствие общественного повода для скрытности и лжи. |

